

Деревня Инхуа давно не видела такого оживления. И только спустя два дня, когда выкопали канавы, установили теплицы, а чужаки ушли, здесь стало немного тише. Чэн Сяожань оказался щедр: помимо зарплаты, каждому он дал по двести юаней в красном конверте, а маленькому бригадиру с масляной тканью — четыреста. Дело было не в том, что у него было много денег, а в том, что место здесь слишком глухое. Найти людей для работы в таких углах было нелегко, и раз уж эти люди так старались, его щедрость должна была сделать их более сговорчивыми в следующий раз.

Однако его щедрость заставила некоторых почувствовать себя не в своей тарелке. Один из стариков, помогавших на горе Дачжоу, нашел его:

— Эй, Сяоэр, тебе еще нужна помощь? Твой брат Цзяфу тоже на стороне вкалывает. Если тебе нужны люди, я могу позвать его обратно. Свои люди из деревни всегда надежнее и старательнее, чем чужаки.

Чэн Сяожань знал этого старика. Фамилия его была Чжао, и Чэн Сяожань называл его дедушка Чжао. Ему уже было пятьдесят восемь лет. Жена его давно сбежала от бедности, дочь вышла замуж в посёлке, а сын работал на стройке в их городе. Без образования и навыков он, вероятно, выполнял тяжелую и грязную работу.

Отец Чэн сопровождал дедушку Чжао и тоже заговорил:

— Работа на стройке, где твой брат Цзяфу, вот-вот закончится. В нашем маленьком городе проектов так много, и после завершения этого ему придется искать работу в других городах. Скоро Новый год, осталось чуть больше месяца. Если тебе нужны люди, он может сразу свернуться и вернуться.

Чэн Сяожань понимал: раз отец помогает просить, значит, сын дедушки Чжао — человек надежный. Иначе он, даже будучи в хороших отношениях с дедушкой Чжао, не стал бы брать на себя ответственность и притягивать в дом беду.

Чэн Сяожань сказал:

— Это прекрасно. У меня еще много работы. Если брат Цзяфу вернется, он поможет мне. Только потом не говорите, что я, забыв о товарищеских чувствах, слишком жестоко эксплуатирую земляков.

Дедушка Чжао был в восторге, лицо его расцвело, как хризантема:

— Это должное, это должное. Мы пришли трудиться для тебя, как ни эксплуатируй — всё правильно. Я сейчас же позвоню Цзяфу. Скажи, когда ему лучше вернуться?

Чэн Сяожань ответил:

— Я как раз хочу найти нескольких профессионалов по ремонту дорог, чтобы по-настоящему привести в порядок горную дорогу на Дачжоу. Иначе подниматься и спускаться слишком неудобно. Это не та работа, которую можно доверить кому попало. Есть ли у брата Цзяфу такие навыки? Если есть, то пусть возвращается как можно скорее, тогда я назначу его бригадиром.

Дедушка Чжао обрадовался еще больше:

— Я спрошу его, я спрошу его.

Он поспешил в деревню, чтобы позаимствовать телефон. Ноги у него были еще крепкие, человек он был разумный и трудолюбивый. Чэн Сяожань видел, как он старательно работал на горе Дачжоу. Теперь основные удобрения были внесены, и Чэн Сяожань хотел постепенно отвести отводные каналы от водных протоков, проходящих через вишневые рощи, чтобы охватить поливом больше деревьев. Работа была не тяжелой, но другие старики считали его привередой и трудились спустя рукава. Только дедушка Чжао ничего не говорил, молча работал, боясь, словно зря получит зарплату.

Но даже такой добросовестный человек из-за бедности потерял жену, которая ушла к другому. В таком возрасте он срочно и смиренно хватался за любую возможность заработать. Одежда на нем была старинной, заплатка на заплатке, а новую одежду, купленную детьми, он не решался надеть.

Чэн Сяожань считал себя довольно бесчувственным, но к таким старикам он не хотел относиться строго. Возможно, ему казалось, что этот человек всю жизнь старался, чего-то ожидал, но все равно оказался в таком положении, словно его предала судьба. Он не любил истории, где усилия не приносят плодов. Если небо не справедливо, он мог бы хоть немного помочь.

Отец Чэн сказал:

— Это не создаст тебе проблем? Когда твой дедушка Чжао сначала упомянул об этом, я хотел с тобой посоветоваться, но не думал, что он так заспешился и пришел сам.

— Папа, не волнуйся, мне правда не хватает людей, и ремонт дороги действительно нужен. В последнее время посмотри, как устал кузен Сяоцзе, — улыбнулся Чэн Сяожань.

— Ты просто привереда! — Отец Чэн покосился на него, но без упрека. — Ладно. Этот Чжао Цзяфу — хороший парень, у него сил больше, чем у Сяоцзе, он точно поможет тебе. Но если этот пример станет известен, многие захотят вернуться. И если ты этого возьмешь, а того нет — будет неловко. Думаю, лучше установить правила, чтобы никого не обидеть.

Чэн Сяожань посмотрел на седые виски отца, налил ему чаю, сел и произнес:

— На самом деле не стоит слишком волноваться. Все ждут, смогу ли я заработать на вишнях. Если не получится, наша деревня останется прежней, и я не смогу долго нанимать людей. Все не глупые, чтобы бросать стабильную работу ради временной подработки без перспектив. Чжао Цзяфу как раз оказался в переходный период, ему пришлось вернуться, таких, как он, мало.

Отец Чэн вздохнул:

— Это неизбежно, все из-за бедности. Иначе кто бы хотел уезжать на такие тяжелые работы? Наша деревня с красивыми горами и чистой водой, многие богачи любят такие места для жизни на пенсии. Иногда я думаю, что когда мы, старики, умрем, это прекрасное место просто зарастет бурьяном. На душе становится так горячо, словно там горит огонь.

Чэн Сяожань улыбнулся. Такие места нравятся тем, кто уже повидал мир и вкусил всех радостей жизни, — как после царского пира захочется простой каши. Можно сказать, он был именно таким. Но обычные люди не желают мириться с одиночеством и тишиной в горах. Но ничего, он сделает эти дикие места оживленными и яркими.

— Папа, не переживай. Когда я заработаю деньги и все узнают, что вишни прибыльны, а

вишневые деревья по всему гору пока заброшены, тогда, наверное, все будут наперебой возвращаться. Наша деревня быстро оживет.

— Нуаньнуань сказала, что ты хочешь продать вишни до Нового года и еще купить каких-то шмелей? — спросил отец Чэн.

— Да, я думаю, что через два-три дня мои пятьдесят деревьев зацветут. В первый день цветения опыление наиболее эффективно, завтра я поеду покупать шмелей.

— Да ты что, это безумие! Сад-то так далеко. Ты не думаешь о своем здоровье, так подумай хотя бы о том, что у тебя в животе! — Отец Чэн сначала не верил, что Чэн Сяожань сможет чего-то добиться, но теперь он поверил. Этот сын все делал планомерно, шаг за шагом. Такой человек, даже если потерпит временную неудачу, быстро встанет на ноги. Поэтому сейчас он полностью поддерживал Чэн Сяожаня и безапелляционно заявил:

— Пусть Сяоцзе пойдет со мной, мы вдвоем съездим. Тебе не нужно ехать.

— Папа, твоя нога...

— Да она просто немного хромот, выехать проблемы нет. К тому же в последние дни я чувствую себя намного лучше, бодрее...

Чэн Сяожань подумал, что это подействовала восстанавливающая жидкость, которую он принимал каждые два дня, и чай, заваренный с ее добавлением. Отец приходил к нему каждый день выпить чашку-другую, поэтому эффект наступил быстро. Хорошо, что тот считал, будто нога поправилась сама по себе из-за прилива сил, и ни о чем не подозревал.

В этот момент он мог лишь с кривой улыбкой уступить отцу, но, обернувшись, тут же позвал Чэн Сяоцзе и подробно все объяснил.

На следующий день отец Чэн и Чэн Сяоцзе отправились в путь. Как только они ушли, Чжао Цзяфу вернулся.

Чжао Цзяфу было чуть за тридцать, он был высоким, но очень худым — вероятно, из-за недоедания. Кожа у него была темной, потрескавшейся — сразу видно, человек много времени проводил на ветру и солнце. Когда Чэн Сяожань пожимал ему руку, толстые мозоли на его ладонях даже слегка кололись.

— Я знал, что боссу срочно нужны рабочие, поэтому мы вернулись ночью. Где нужно чинить дорогу? Мы этим занимались, инструменты привезли, можем сразу начинать.

Он вернулся не один, с ним был еще один молодой человек из деревни. Чэн Сяожань знал об этом: после того как дедушка Чжао поговорил с Чжао Цзяфу по телефону, он приходил спрашивать мнение Чэн Сяожаня. Сказали, что на той стройке из их деревни было трое человек, двое хотели вернуться сразу, а третий остался ждать зарплату. Чэн Сяожань согласился.

Молодого человека звали Ли Цзиньши, он был низкого роста, коренастый, молча стоял в стороне — сразу видно, что человек немногословный. Он был сиротой, подобранным в деревне старой вдовой Ли, которую все звали бабушка Ли.

Раньше в деревне Инхуа фамилия Чэн была главной, но сейчас осталось только четыре семьи. Если бы не дедушка Цзю и старший дядя Чэн, которые были деревенскими старостами один за

другим, семья Чэн уже давно потеряла бы вес в деревне. Чэн Сяожань же был рад наладить хорошие отношения с людьми других фамилий.

<http://bllate.org/book/16650/1525473>